

Сергей Владимирович Диковский

Патриоты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергей Владимирович Диковский**
Патриоты / Сергей Владимирович Диковский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 78 с.

ISBN 978-5-4241-2724-3

Диковский Сергей Владимирович (14.3.1907, Москва, — 6.1.1940, под Су-омуссалми), русский советский писатель. Начал печататься в 1925. Принимал участие в боях на Китайско-Восточной железной дороге (1929) и советско-финляндской войне 1939–40. Основная тема его повестей и рассказов — патриотическое сознание и самоотверженное мужество советского человека; его герои — бойцы-дальневосточники, пограничники. В повести «Патриоты» (1937) героизм советских бойцов противопоставлен жестокой воинской муштре и фанатизму японской армии.

ISBN 978-5-4241-2724-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Диковский Сергей
Патриоты

Сергей Диковский

Патриоты

1

Вдоль границы, от заставы "Казачка" к Медвежьей губе, ехали трое: капитан Дубах, молодой боец доброволец Павел Корж и его отец, сельский кузнец Никита Михайлович.

Ехали молча. Запоздалая уссурийская весна бежала от океана таежной тропой, дышала на голые сучья дубов и кидала жаворонков в повеселевшее небо. Вслед за ней, обгоняя всадников, летели птицы и пчелы.

Взбирались на сопку каменистой, звонкой тропой. Ветер раздувал на ветлах зеленое пламя, орешник и жимолость подставляли солнцу прозрачные листья, папоротник выбрасывал тугие острые стрелы; только вязы не слушались уговоров ручья: еще тянуло из падей ровным погребным холодком.

Ехали долго, через ручьи, сквозь шиповник и ожину, мимо низкорослых ровных дубков, и выбрались, наконец, на самый гребень сопки.

Открылась земля - такая просторная, что кони сами перешли в рысь. Маньчжурия уходила на юг, пустынная, затянутая травой цвета шинельного сукна. Земля была беспокойной, горбатой, точно под ее пыльной шкурой перекатывалась мертвая зыбь.

Никита Михайлович толкнул сына локтем. Старик любил вспомнить при случае сумасшедший мукденский поход.

- Видел, где твой батька подметки оставил? - спросил он, выезжая вперед.

- Поедем поищем, - сказал сын смеясь. - А ты разве в пехоте служил?

- Нет, в гусарах...

- То-то привык за гриву держаться.

- Сказал бы я тебе, Пашка...

- Скажи.

- Коня конфузить не хочется.

Они стали взбираться дальше; впереди - маленький краснощекий отец, накрытый, как колоколом, тяжелым плащом, за ним - сын, большеголовый крепыш, озадаченный скрипом новых сапог и ремней. А тропа все крутилась по гребню, ныряла в ручьи, исчезала в камнях и снова бросалась под ноги коням - звонкая, усыпанная блестками кварца. Голова кружилась от ее озорства.

Между тем трава исчезла. Ноги коней по бабку стали уходить в жесткий пепел. Дико чернели вокруг всадников прошлогодние палы. Никита Михайлович съехался, помрачнел. Разговор оборвался.

Наконец, лошади стали. За ручьем лежал город - незнакомый, глиняный, с четырьмя толстыми башнями по углам. Начальник не взглянул на него. Он спрыгнул с коня и снял линялую фуражку перед каменной глыбой.

- Читайте сами, - сказал он Никите Михайловичу.

В глубоких надписях, высеченных на глыбе неумелой, но сильной рукой, светилась дождевая вода.

Он был пулеметчиком, сыном народа,

Грозой для бандитов, стеною для Родины.

А.Н.Корж. 1935 год. Ноябрь.

Теперь был апрель. Над глыбой летели пронизанные солнцем облака и отзивавшие на дубах упрямые листья.

Никита Михайлович слез с коня, вынул записную книжку и переписал надпись. Начальник смотрел на него прищуренным глазом. Другой глаз закрывала черная повязка.

- Не знаю, как насчет рифмы, - сказал капитан осторожно, - а смысл, мне кажется, правильный.

Никита Михайлович нагнулся, поднял из пепла пулеметную гильзу и долго вертел ее, точно сомневаясь, мог ли быть озорной большеротый Андрюшка "грозой для бандитов". Гильза еще не успела позеленеть.

- Это его позиция? - спросил он, наконец, не глядя на Дубаха.

- Да, - ответил начальник.

- Он умер сразу?

- Нет, - ответил начальник.

Вдруг Никита Михайлович повернулся и, ухватив жесткими пальцами красноармейца за пояс, затряс его с неожиданной яростью.

- Подбери боталы! - закричал он стариковским фальцетом. - Какой ты к черту солдат! Нудьга! Простокваша!

Он долго кричал на Павла, забыв, что сам привез его на Дальний Восток. Сын пошатывался от взрывов яростного отцовского горя. Наконец, он поймал отца за руки и грубовато заметил:

- Давайте, папаша, успокоимся...

Никита Михайлович сунул гильзу в карман и сказал капитану более спокойно:

- Это он такой только сегодня... квелый...

- Вижу, - ответил Дубах и, отойдя от камня, стал рассказывать, как в стычке с японцами, прикрывая собой левый край сопки, был убит пулеметчик Корж.

Это был долгий рассказ, потому что, пока во фланг японцам ударил эскадрон маневренной группы, прошло четыре часа, и Корж шесть раз отбивал атаку противника.

Когда капитан кончил рассказ, ветер успел высушить камень. Фазаны выбрались из кустов и грелись на солнце, не обращая внимания на людей. Весна бежала по тропам, тормоша, щекоча, путая прошлогоднюю траву.

- В десяти шагах от пулемета мы выбрали японца, - сказал в заключение Дубах. - Он упал на собственную гранату. Это бывает, когда слишком рано снимают кольцо.

- Он был офицером? - спросил Павел.

- Нет, рядовой второго разряда.

- Самурай оголтелый, - сказал зло Никита Михайлович и, путаясь в плаще, стал садиться на лошадь.

2

...Самураем он не был и никогда не задумывался о таких высоких вещах. В цейхгаузе 6-го стрелкового полка еще лежали проолифенный плащ новобранца и синяя хантэн [рабочая куртка] с хозяйским клеймом на спине.

Четыре года этот рослый парень работал на туковарнях Хоккайдо и так провонял тухлой сельдью, что в казарме его тотчас окрестили "рыбьей головой". Это было сказано точно. Все мысли Сато были заняты сельдью, камбалой и кетой. Воспитанный в уважении к деревенским писцам, он был почтителен к начальству, старателен на занятиях и сдержан в разговорах с приятелями... Он молчал даже

в праздничные дни, когда теплое саке [водка из риса] развязывает солдатские языки и отпускники наперебой начинают врать о своих похождениях в кварталах Джоройи... Но стоило только завести речь о ценах на сельдь или о шпаклевке кунгасов, как Сато преображался: его глаза становились веселыми, голос громким, а движения сильных рук такими размашистыми, точно перед ним были не казарменные нары, а морской берег. Уж тут-то он мог поспорить с кем угодно, хоть с самим господином синдо [старшина на рыбалках].

Сато вырос на западном побережье Хоккайдо и знал все: сколько локтей в ставном неводе, когда начинается нерест кеты, почему камбала любит холодную воду и сколько дают скупщики за корзину свежих креветок...

За три месяца жизни в казарме Сато успел смыть терпкий запах рыбы, водорослей и смоленых сетей, но кличка прилипла к нему, как рыба чешуя. По вечерам, после занятий, приятели любили подсмеиваться над старательным и наивным северянином.

- Ано-нэ! [Послушайте!] - объявлял во всеулышание горнист Тарада. Кто знает, почему возле Карафуто [южная часть Сахалина] стало видно морское дно?

Ответ был известен заранее, но тотчас несколько шутников с самым удивленным видом подхватывали невинный вопрос:

- В самом деле...

- Что случилось с морем, Тарада?

- Я думаю, оно высохло от тоски, - замечал с глубокомысленным видом толстяк Миура.

- Нет, - объявлял Тарада торжественно, - дно видно потому, что Сато съел всю морскую капусту...

Жаловаться в таких случаях было бесполезно. Фельдфебель, сам любивший дразнить деревенщину, сидел поблизости, багровый от смеха, хотя и делал вид, что не слышит шуток Тарада.

Впрочем, и казармы и фельдфебель были давно позади. Восьмые сутки "Вуго-Мару" шел вдоль западного побережья Хонсю, собирая переселенцев в свои обширные трюмы. Пароход опаздывал. Он брал крестьянские семьи в Отару и Акита, лесорубов из Аомори, плотников в Муроране, плетельщиков корзин из префектуры Тояма, гончаров из Фукуи. Он грузил бочки с квашеной редькой и агар-агаром [агар-агар - растительный студень, получаемый из морских водорослей, применяется в бактериологии, а также в пищевой и текстильной промышленности], мотыги, котлы, брезентовые чаны для засолки, тысячи корзин и свертков самых фантастических очертаний. Чем дальше к югу полз "Вуго-Мару", тем глубже уходили в воду его ржавые борта. В Аомори еще видны были концы огромных винтов, а в Канадзава исчезла под водой даже марка парохода. Капитан прекратил погрузку.

Последними поднялись на борт шесть бравых молодцов в одинаковых сиреневых шляпах. У них были документы парикмахеров и чемоданы, слишком тощие для переселенцев. Разместились они вместе с коммерсантами и учителями в каютах второго класса.

Наконец, пароход вышел в открытое море, увозя с Хонсю и Хоккайдо ровно полторы тысячи будущих жителей Манчжоу-Го и охранную роту стрелков.

Стойкий запах разворошенных человеческих гнезд поселился в трюмах.

Люди разместились на деревянных нарах, семейные завесились занавесками, зажгли свечи.

В глубоких железных колодцах голоса плескались, как в бочках. Были здесь крестьяне из южных районов, рыбаки, прачки, безработные матросы, уличные торговцы, проститутки, монахи, садовники и просто искатели счастья и славы. Только детей почти не замечал Сато в трюмах. Переселенцы еще выжидали, хотя официальные бюллетени военного министерства сообщали, что партизанский отряд "Братья Севера" давно разгромлен возле Цинцзяна.

Все это пестрое население орало, переругивалось, грохотало на железных палубах своими гета [сандалии на деревянной подошве] и приставало к караульным солдатам с расспросами. Больше всего возни было с крестьянами. Точно вырванные из земли кусты, захватившие корнями комья земли, переселенцы стремились перенести на материк частицу Японии. Они везли с собой все, что смогли захватить: рисовые рогожи, шесты для сушки белья, холодные хибати [жаровня], домашние божницы, соломенные плащи, садовые ножницы и квадратные деревянные ванны, не просыхавшие целое столетие. Старики захватили с собой даже обрывки сетей. Они покорно кивали головами, когда господин старшина объяснял, что никакого моря в Маньчжурии нет, и хитро подмигивали друг другу, едва этот толстяк поворачивался к ним спиной. Не могло быть в мире такой земли, где бы не блестела вода. А там, где вода, наверное, найдется и сельдь, и крабы, и камбала.

Если бы была возможность, упрямыцы погрузили бы с собой и паруса, и древние сампасэны [вид джонки], и стеклянные шары поплавков, но пароход уже шел открытым морем, покачиваясь и поплывывая горячей водой.

- Каммата-нэ! [Экая напасть!] - сказал, наконец, старшина, совершенно отчаявшись. - Спорить с вами - все равно, что кричать ослиному уху о Будде...

- Извините, мы тоже так думаем, - поспешно ответили с нар.

- Всю эту рвань придется оставить в Сейсине.

- Мы тоже так думаем...

- Уф-ф... - сказал господин старшина, озадаченный таким покорным лукавством.

И он ушел наверх к капитану - заканчивать партию в маджан, начатую еще по дороге в Цуругу.

Между тем голубая полоска берега все таяла и таяла. Реже стали попадаться сети, отмеченные красными буйками. Исчезли парусники с квадратными темными парусами и легкие исабунэ [рыбацкая лодка] рыбаков. По левому борту "Вуго-Мару" проплыл последний остров - горбатый, с карликовыми соснами на гребне. Видимо, ветер дул здесь в одну сторону деревья стояли, вытянув ветви к юго-западу, точно собираясь улететь вслед за облаками. "Вуго-Мару" - ржавый уют в шесть тысяч тонн водоизмещением шел, покачиваясь, не спеша разглаживая пологую волну. За кормой дрались чайки, раздирая выброшенные коком рыбы кишки.

Наконец, Хонсю стал таким далеким, что никто уже не мог сказать, остров это или просто клочок пароходного дыма.

- Третье отделение - в носовую каюту! - крикнул ефрейтор, рысцой пробегая по палубе.

Сато нехотя отвалился от борта. Чертовски неприятно было покидать палубу

ради двухчасового урока русского языка. Легче пройти с полной выкладкой полсотни километров, чем произнести правильно "корухоз" или "пуримет".

Чтобы продлить удовольствие, Сато нарочно пошел на бак кружным путем, через весь пароход. Когда он вошел в узкую железную каюту, третье отделение уже сидело за столом, выкрикивая готовые фразы из учебника майора Итоо. Это был странный язык, в котором "а" и "о" с трудом прорезывались среди шипящих и свистящих звуков, а "р" прыгало, как горошина в свистке.

Собеседником Сато был Тарада - гнилозубый насмешливый моряк из Осаки. Он знал немного английский, ругался по-китайски и утверждал, что русский понятен только после бутылки сакэ.

Третье отделение повторяло "Разговор с пленным солдатом".

- Руки вверх! - кричал Сато. - Стой! Иди сюда. Кто ты есть?

- Я есть солдат шестой стрелковой дивизии, - отвечал залпом Тарада...

- Куда вы шел!.. Не смей молчать! Сколько есть пуриметов в вашем полку? Высказывай правду... Как зовут вашего командира?

- Он есть майор Иванов. Сколько есть пуриметов? Наверное, тридцать четыре.

Потом они разучивали разговор с почтальоном, с девушкой, с мальчиком, стариком и прохожим.

- Эй, девушка! Поди сюда, - предлагал Сато. - Оставь бояться... Японский солдат наполнен добра.

- Я здесь, господин офицер, - покорно отвечал Тарада, стараясь смягчить свой застуженный голос.

- Смотри на меня, отвечай с честью. Где русский офицер и солдат?.. Они прыгнули сюда парашютом.

- Простите... Радуюсь вами, я их не заметил...

- Однако это есть ложь. Не говори так обманно. Этот колодец еще не отравлен солдатами? Слава богу, мы не грабители. Мы тоже немного есть христианцы.

- Покажи язык, - сказал Тарада, когда Сато захлопнул учебник. - Эти упражнения - чертовски опасная штука... Одному солдату из третьего взвода пришлось ампутировать язык...

- Глупости, - сказал Сато недоверчиво.

- Клянусь!.. Бедняга орал на весь госпиталь. - Подвижное лицо Тарада приняло грустное выражение. - Бедняга вывихнул язык на четвертом упражнении, - добавил он тихо, - а ведь его еще можно было спасти.

Все еще сомневаясь, Сато осторожно высунул язык.

- Еще, приятель, еще, - посоветовал Тарада серьезно. - Так и есть... Он скрутился, как штопор...

И шутник с размаху ударил Сато в подбородок.

Раздался смех. Жизнь на пароходе была так однообразна, что даже прикушенный язык вызывал общее оживление.

Обезумев от боли, Сато бросился на обидчика с кулаками.

- На место! - крикнул грозно фельдфебель Огава. - Тарада, вы опять?

- Я объяснял ему произношение, - сказал смиренно Тарада.

- Молчать!.. Вы ведете себя, как в борделе...

И он вышел из каюты, чтобы доложить о случившемся господину подпрапорщику.

Язык Сато горел. Чувствуя солоноватый вкус крови, солдат с ненавистью смотрел на маленького развязного человечка, которого он мог сшибить с ног одним ударом кулака.

Всем было известно, что Тарада хвастун и наглец. Он держал себя так, как будто не к нему относилось замечание господина ефрейтора.

- Кстати о языке, - заметил Тарада, едва захлопнулась дверь каюты. - Вы знаете, как в Осаке ловят кошек? Берешь железный крючок номер четыре и самый тухлый рыбий хвост. Потом делаешь насадку и ложишься за дерево. "Мяу-мяу", - говоришь ты какой-нибудь рыжей твари как можно ласковой... "Мияуу", - отвечает она, давась от жадности. Тут ее и подсекаешь, как камбалу, за язык или за щеку... Котята здесь не годятся. Их кишки слишком слабы для струн самисэна... [самисэн - японский трехструнный музыкальный инструмент, похожий на домру] Хотя за последнее время...

Стукнула дверь. Вошел очень довольный фельдфебель Огава.

- Тарада! Двое суток карцера! - объявил он во всеуслышание.

- Слушаю, - ответил Тарада спокойно. - Сейчас?

- Нет, по прибытии на квартиры. Остальные могут приступить к развлечениям.

Развлечений было два: домино и патефон с несколькими пластинками, отмеченными личным штемпелем капитана. Кроме того, можно было перечитывать наклеенное на железный столб расписание дежурств и разглядывать плакат "Дружба счастливых". Плакат был прекрасен. Два веселых мальчика - японский и маньчжурский - ехали на ослах навстречу восходящему солнцу. Вокруг всадников расстилалась трава цвета фисташки, и мальчики, обнимая друг друга, улыбались насколько возможно искренне. Внизу была надпись: "Солнце озарило Маньчжурию. Вскоре весь мир станет раем".

Однако никто не любовался плакатом. За десять дней плавания мальчики примелькались, как физиономии фельдфебелей.

Четверо солдат завладели домино. Остальные, сидя на койках, ждали своей очереди и вполголоса обсуждали ближайшие перспективы переселенцев.

- Г-говорят, их расселят на самой границе, - сказал заика Мияко.

- Да... Им будут давать по сто цубо [цубо - около трети гектара (точнее - 3305 кв. метров)] на душу.

- Кто это вам сообщил? - заинтересовался ефрейтор.

- Я слышал от господина ротного писаря.

- Ничего не известно, - оборвал ефрейтор.

Наступила пауза.

- Г-говорят, что русские могут спать прямо на снегу, - сказал невпопад Мияко.

- Ну, это вранья...

- Они очень сильны... Я сам видел, как русский грузчик поднял два мешка бобов.

- Это потому, что они едят мясо, - пояснил с важностью ефрейтор. - Зато они неуклюжи.

- "Симбун-майничи" пишет, что у них отличные самолеты.

- Глупости! Наши истребители самые быстроходные... - И господин фельдфебель стал подробно пересказывать вторую главу из брошюры "Что должен

знать о русских японский солдат". По его словам, на пространстве от Байкала до Тихого океана населения меньше, чем в Осаке. Русские так богаты землей, что тысяча хори [хори - немногим более 1500 га] считается у них пустяком. Они ленивы, как айносы [небольшая вымирающая национальность на севере Японии], и жадны, как англичане. Железо и уголь валяются у них под ногами, но они ищут на севере только золото.

О русских солдатах фельдфебель отозвался весьма пренебрежительно, как подобает настоящему патриоту.

- Партизаны опаснее регулярных войск, - сказал он в заключение. Партизан может попасть из ружья ночью в мышиный глаз, если не пьян, конечно.

Зашипела пластинка, и солдаты умолкли. Грустный женский голос запел известную песню о японском солдате, убитом сибирскими партизанами. Пела мать героя. Голос ее был мягок и глух. Если закрыть глаза, можно легко представить пустой дом, бречание самисэна на улице и мать, протянувшую руки над хибати. Тихо звенят угли. Остриженная траурно-коротко, она раскачивается и поет:

В дом вошел солдат незнакомый,

Снега чистого горсть передал.

- Снег - как горе, он может растаять,

Незнакомый солдат мне сказал.

- Где Хакино? - его я спросила.

Сети пусты, и лодка суха.

Тонет тот, кто плавает смело,

Незнакомый солдат мне сказал.

Над головами слушателей гудела от ударов воды железная палуба. Светло-зеленые волны беспрестанно заглядывали в иллюминаторы. Временами распахивалась дверь, и мелкая водяная пыль обдавала собравшихся. Впрочем, солдаты не обращали на это внимания. Это были рослые, выносливые парни с Хоккайдо, которым предстояло увидеть если не Сибирь, то нечто на нее похожее. Каждый из них представлял себя на месте "убитого Хакино".

Был бы он лейтенантом сегодня,

вспомнила мать и умолкла.

Тарада, успевший заглянуть в костяшки соседей, с треском положил плашку на стол.

- Был бы я ефрейтором сегодня! - сказал он с досадой.

Раздался смех. Всем было известно, что Тарада за драку на каботажной пристани был разжалован в рядовые второго разряда.

Язык Сато горел. Противно было смотреть на оттопыренные уши Тарада и слушать его дурацкие шутки.

- Разрешите выйти по надобности? - спросил Сато ефрейтора.

- Ступайте. Это уже шестой раз...

- Извините... Меня укачало.

Он долго бродил по железной палубе, побелевшей от соли. За два часа все изменилось неузнаваемо. Туман закрывал теперь мачты, трубу и даже часть капитанского мостика. Беспрестанно бил колокол. Надстройки на баке казались страшно далекими, точно очертания идущего впереди корабля. Казалось, что "Вуго-Мару" покачивается на якоре, но стоило только присмотреться внимательнее, и тотчас десятки деталей выдавали непрерывное движение парохода. Тихо

повизгивали по краям палубы цепи рулевого управления, вздрагивал корпус, вертелось на корме колесо лага; а когда Сато заглянул за борт, то поразился быстроте мутной волны, бежавшей вдоль "Вуго-Мару".

Все четыре люка были открыты. Капитан экономил электричество: на дне трехэтажных трюмов горели свечи. Люди успокоились, привыкли к сумраку, постоянному дрожанию железных нар и резкому запаху карболки. Мужчины играли в маджан и хаци-дзи-хаци ["88", японская игра в карты], женщины вязали грубые шерстяные фуфайки. Сквозь ровный гул, поднимавшийся из трюмов, иногда прорезывалась песня, затянутая одиноким певцом.

Трюм походил на дом в разрезе. Странно было видеть на крыше этого мирного дома скорострельную пушку Гочкиса. Закрытая чехлом, перехлестнутая тросами, она стояла на корме "Вуго-Мару", напоминая переселенцам о возможных, опасностях.

Возле пушки всегда толпились любопытные. Бравый вид солдат, их металлические шлемы и суровые лица вызывали у деревенщины почтительный восторг.

Один из зевак, крестьянин с сухими руками, отмеченными пятнами фурункул, остановил Сато.

- Простите, почтенный, - начал он робко, - ведь вы уже были на Севере?

"Почтенный!" Это было сказано снизу вверх. Первый раз за полгода службы Сато почувствовал себя настоящим солдатом. Уши его побагровели от удовольствия. Он хотел ответить наивному собеседнику "нет", но язык опередил желание Сато.

- Да, - сказал он поспешно, - я был в Маньчжоу-Го.

- Говорят, что там нет ни деревьев, ни рек...

Подражая господину фельдфебелю, Сато выпятил губы:

- Глупости!

- Однако многие возвращаются обратно...

- Глупости! - повторил Сато твердо. - Ничего не известно.

И он, заметно важничая, зашагал дальше, не замечая своих распутившихся обмоток.

3

Он приехал в отряд прямо со знаменитой стройки N_618 - маленький озабоченный человек в резиновых тапочках и пыльнике, надетом на шевиотовый пиджак. Его глаза были красны от известковой пыли и бессонницы. Голубые, белые, зеленые, желтые брызги покрывали кепи приехавшего, точно по дороге в отряд призывник попал под дождь из масляных красок.

- Ваша фамилия?

- Корж!

Это было сказано с достоинством. Бригадир штукатуров и маляров был заслуженно знаменит. За свои двадцать два года он успел выкрасить четыре волжских моста, два теплохода, фасад Дома Союзов, шесть водных станций, решетку зоосада и не меньше сотни крыш.

Впрочем, он нес свою славу легко. Она не обременяла ни стремянок, ни люлек, на которых работал знаменитый маляр.

Корж назвал себя и ждал от командира достойного ответа.

- А-а-а, - сказал пограничник довольно спокойно и поставил карандашом